

АНН БРЕНОН

ДВЕ ЦЕРКВИ

перевод с франц. Н. Дульневой

Казалось, что к началу XIV века «катары» были уже практически уничтожены крестовыми походами, которые организовала Римско-католическая Церковь. Но этих людей оставалось еще достаточно много, чтобы свидетельствовать о реальности своей веры, живучесть и стойкость которой удивляет нас еще и сегодня.

Однажды, в 1302 году, Пейре Отье, один из последних «катаров» - окситанских добрых людей - проповедовал для молодого пастуха из Монтайю, которого он хотел сделать добрым верующим: «И я скажу тебе причину, по которой нас называют еретиками. Это потому, что мир ненавидит нас, и неудивительно, что мир нас ненавидит, ибо так же он ненавидел Господа Нашего и апостолов Его. Ибо есть две Церкви: одна бежит и прощает, а другая владеет и сдирает шкуру».

Добрый Человек говорил, как наследник апостолов. Он считал себя представителем законной Церкви Христовой, благой Церкви, истинной Церкви, которая приводит к Спасению Божьему. В ту эпоху, когда он говорил это, его Церковь была обескровлена после более чем столетия систематических преследований со стороны Римской Церкви. Вначале Окситанию накрыл крестовый поход против альбигойцев (1209-1229), а затем, начиная с 1233 года, на завоеванной территории была учреждена Инквизиция. Но Пейре Отье был одним из тех, кто отказывался принять это будущее, принять то, что его Церковь может исчезнуть. Для него и его товарищей постоянные репрессии, неугасающая ненависть, которую обрушивал на них мир, являлись еще одним признаком правоты их дела. Они были Церковью преследуемых под огнем Церкви преследователей.

Под игом Римской Церкви

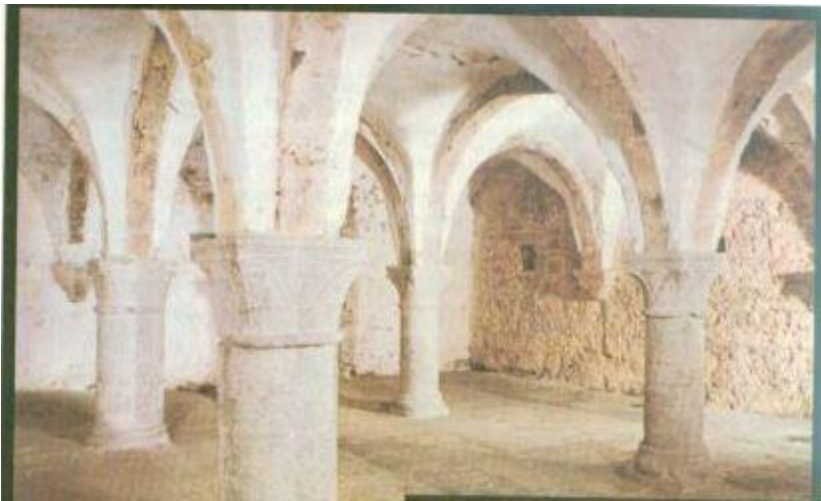
«Церковь-преследовательница, Церковь, которая сдирает шкуру» - это еще и та Церковь, которая владеет. Церковь богатства и власти, возглавляющая сильных мира сего. Это Церковь Римского папства, теократическая уже со времен Григорианской реформы, утверждающая свое главенство «над королями, баронами и князьями». Почти за два столетия до Пейре Отье, в середине XII века и очень далеко от Окситании, в епископстве Льежском и архиепископстве Кёльнском, в Рейнских землях, уже жгли «еретиков». Но тогда Римская Церковь еще не осмеливалась руководить этими казнями. Если даже она обличала и категорически осуждала «ересь» на епископских судах, ссылаясь на авторитет ордена Сито, то все еще несколько опасалась непосредственно участвовать в препровождении этих диссидентов на костер. Ведь ничего в Святых Писаниях, несмотря на серьезную переориентацию христианских идеалов в духе крестовых походов, которые оправдывали убийство неверных, не позволяло формально осуждать на смерть отступников, ссылаясь на Христа. Церковные власти епархии или города давали возможность действовать гражданским властям, которые арестовывали тех, кто отказывался признать свои ошибки, чтобы привлечь их к ответственности. Несколькими десятилетиями позже Инквизиция, также полностью основываясь на каноническом праве, прибегала к хитрым уловкам, привлекая к исполнению казней светскую власть.

«Мы не от мира»

Недалеко от Кёльна, чуть раньше 1143 года, прево или аббату премонстранцев Эвервину из Штайнфельда, близкому к Бернару из Клерво, было поручено опросить «еретиков», которых собирались предать огню. Когда он пришел к ним, разумеется, для того, чтобы привести их к покаянию, то потерпел поражение.

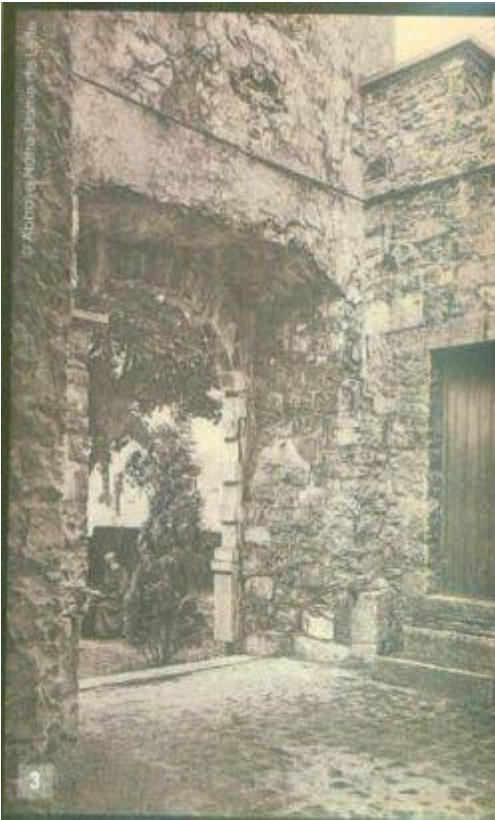
Общины премонстрантов аббатства Штайнфельда (1138), прево которого был Эвервин, когда он писал свое письмо о еретиках Кёльна, больше не существует, в отличие от материнского аббатства этого ордена, основанного Норбером из Ксантена в 1120 году возле Лана. Норбер из Ксантена основал еще одно аббатство, Флёреффе, в 1121 году. Зала капитула и зала конверсов датируются концом XII века. Возвращаясь в Кёльн, где Норбер, наконец, получил реликвии для своей фундации в Премонстр, он провел некоторое время в Намюре. По желанию графа Годфрида и его жены Эрмессинды, увлеченных Григорианской реформой, он решил основать общину в этом регионе.

Окончательный выбор пал на Флёреффе, второстепенную резиденцию графской семьи. В первые же годы после своего основания в ноябре 1121 года, община Флёреффе стала очень важным местом. Под ее влиянием очень быстро стали возникать многочисленные мужские и женские общины, причем не только на территории современной Бельгии (Леффе, Постель, Боренар, Хайлиссем, Мон-Корнийон...) и соседних стран, но также - вследствие крестовых походов - даже в Святой Земле.

Подвалы аббатства Флёреффе.

Старинная фотография аббатства Леффе

Позже, став свидетелем их казни и потрясенный их христианской смертью, он обращается к своему духовному учителю, «светочу Сито», с очень подробным письмом, сохранившимся в собрании переписки Бернара из Клерво.

Этот текст, где описываются обстоятельства дела и дается очень эмоциональное свидетельство, является, несмотря на свою раннюю датировку, одним из лучших документов, позволяющих узнать о заявлениях еретиков, которых позже назвали катарами. В этом письме содержится четкий перечень всех составляющих их взглядов. Этот перечень расширяется и углубляется в позднейших текстах, начиная с ритуалов и трактатов катаров последующего столетия. Сразу же видно - особенно из фраз, которые премонстранский аббат вкладывает в уста рейнских диссидентов своего времени - что они звучат в унисон с проповедями окситанца Пейре Отье: «Вот какова их ересь. Они говорят, что они сами – это Церковь, потому что они одни следуют Христу; и что они остаются истинными последователями апостольской жизни, потому что они не ищут ничего от мира и не владеют ни домами, ни полями, никаким серебром. Как Христос не владел ничем сам, так Он не разрешал и Своим ученикам ничем владеть». Уже около 1150 года осужденные заявляли, что представляют собой истинную христианскую Церковь. Он называли себя «христианами», «апостолами», «бедняками Христовыми» и демонстрировали свой апостольский путь наследованием Христа в традициях бедности и отречения от мира.

То, как рейнские диссиденты описывали свою Церковь, производит большое впечатление. Как и Пейре Отье в XIV веке, почти теми же словами они оправдывали законность своей апостольской преемственности именно тем, что являются жертвами преследований и мучениками, и это только доказывает их казнь на костре. Так же считали Пейре Отье и его товарищи: «Сами о себе они говорят: «Мы, бедняки Христовы, бежим, гонимые из города в город (Мт.: 10, 23), как овцы среди волков (Мт. 10,16), и мы сносим гонения как апостолы и

мученики; однако мы ведем жизнь святую и преисполненную лишений, в постах и воздержании, посвящая свои дни и ночи молитвам и работе, и не ищем никакого вознаграждения своему труду, кроме как необходимого для поддержания жизни нашей. Мы придерживаемся всего этого, ибо мы - не от мира сего; но вы, любящие мир, вы заключили сделку с миром, потому что вы - от мира (Парафраза Ио. 15, 19)».

Святой Бернард пишет под диктовку Бога, начало XII века, Оксфорд, Бодлианская библиотека, рук. La Misc 385f 41v. Святой Бернард, чрезвычайно настырный в борьбе против ереси, очаги которой возникали практически повсюду, пытался сохранять осторожную позицию в этом вопросе. Не одобряя внесудебных казней, он требовал применения тяжелых духовных наказаний (отлучений). Однако если эти меры окажутся недостаточными, он считал необходимым воззвать к князьям, дабы «разить материальным мечом» и разрешить проблему силой.

Точная ссылка на Евангелие от Матфея обосновывает постоянное бегство и подпольную жизнь «Церкви, которая бежит и прощает». Она соответствует той, которую использует добрый человек Пейре Отье; и все это отвечает цитатам из евангелиста Иоанна, следуя которым, диссиденты XII-XIV веков ставили себя вне сферы мирских устремлений. Особенно заметна у рейнских апостолов тема оппозиции между двумя Церквями – Церковью Божьей и Церковью мира сего, вдохновленная темой противостояния между Богом и миром, развиваемой евангелистом Иоанном: «Мир ненавидит нас, как он ненавидел и преследовал Господа Нашего», - говорил Пейре Отье. Эти - безусловно христианские - корни дуализма иллюстрируются притчей о благом и дурном деревьях, которые соответственно приносят благие и дурные плоды. Этот лейтмотив в дальнейшем постоянно присутствует в проповедях «катаров» – дурные плоды этого мира свидетельствуют только о его дурном происхождении: «Лживые апостолы, изменившие Слову Христову, вы ищете тех, кому вы принадлежите, вы свернули с пути, вы и отцы ваши. Мы же и отцы наши – наследники апостолов и остаемся ими по благодати Христовой, и так будет до конца времен. И чтобы различить вас и нас, Христос сказал: «По плодам их узнаете их» (Мт. 7:16). Наши плоды – это наследование Христа».

Святой Иоанн Евангелист пишет Святой Откровение в ссылке на острове Патмос. Тюрингия, ок. 1425-1450 гг., Нью-Йоркская публичная библиотека, NYPL MA 015, f. 1v,

Теология катаров, основывающаяся на Евангелиях (только они и признавались священными), черпала особое вдохновение в словах Иоанна и цитатах из Откровения.

Рейнские апостолы уже до середины XII века разработали дискурс, объясняющий разрыв между двумя Церквями. Каждая из них претендовала на апостольскую преемственность, а другую сторону считала самозванкой. Эвервин, пересказывая требования диссидентов, даже называет сожженных в Кельне «псевдоапостолами» или «апостолами Сатаны». Два века спустя Пейре Отье и последние окситанские добрые люди выдвигали аргументы того же типа, настаивая на разнице между двумя апостольскими традициями, каждая из которых имеет собственное прочтение священных текстов и собственную иерархию. Церковь окситанских добрых людей и Церковь Рейнских апостолов была той Церковью, которая «бежит и прощает», истинной Церковью Божьей, «ненавидимой и гонимой в этом мире» со времен Христа и апостолов властями мира сего, и в особенности, Церковью мира сего, которая «владеет и сдирает шкуру».

Возникновение другой Церкви

Нет никакой причины для того, чтобы отказывать религиозному движению, называемому катаризмом, в имени Церкви, на которое она претендовала уже в течение двух столетий. Этот «церковный» характер особенно позволяет нам вычленить религиозность, которую мы верно или ошибочно называем «катарской», среди множества очагов средневековой «ереси».

Для целей этой статьи специально были выбраны и изложены тексты, особенно далеко отстоящие друг от друга, как во времени, так и в пространстве. Это было сделано для того, чтобы показать значимую созвучность, объединяющую последних окситанских добрых людей - Пейре Отье и его братьев - и Рейнских апостолов, сожженных двумя столетиями ранее. Между серединой XII и началом XIV века есть множество знаковых текстов, подтверждающих реальность этой Церкви, как, например, Ритуалы окситанских катаров, которые называют ее *sancta Gleisa* или *Gleisa de Deu*. Отметим, что идеальная Церковь, которую защищали Рейнские апостолы, уже воплощена в том же свидетельстве премонстранца Эвервина. Один из еретиков, с которыми он мог спорить перед их казнью на костре - тот самый, который со своим товарищем твердо отстаивал свою веру перед епископским судом в Кельне - был епископом этой Церкви:

«Двое из них, а именно тот, кого они называли своим епископом, и его товарищ, спорили с нами на собрании клириков и мирян, где присутствовал Монсеньор архиепископ с людьми из высшей аристократии; и они защищали свою ересь словами Христа и апостолов».

Нам известно, что практика диссидентского епископа иметь товарища является общей практикой *socius*. Это слово означает, по крайней мере, двух монахов, постоянно находящихся вместе, вследствие их обета общинной жизни, что отвечает словам Евангелия («Там, где двое или трое соберутся во имя Моё, там и Я посреди них»). Эта черта монашеского чина в XII-XIII веках была общей как для катарских добрых людей, так и для доминиканских инквизиторов. Добрые люди постоянно находились рядом со своим *soci* (на окситан), или даже *socia*, если речь шла о добрых женщинах. Наличие *soci* у епископа Рейнских апостолов еще в 1143 году может интерпретироваться как первое упоминание о монашеских признаках этого раннего еретического клира, что уже является одной из общепризнанных характеристик катаризма. Кроме того, апостолы заявили Эвервину, что они организованы в смешанные общины и имеют иерархию трех степеней: слушатели, верующие и избранные (или христиане). Можно перевести эти слова как верные, послушники и монахи – люди, посвященные крещением Духа и возложением рук, и облеченные священнической властью. Они публично заявляли, что крещены и крестят, но не водой, а огнем и Духом, ссылаясь на свидетельство Иоанна Крестителя.

Членам мужских и женских общин, организованных вокруг епископа, уделялось изложение катехизиса (которое давало возможность слушателям переходить в ранг верующих) и таинство вступления в христианскую жизнь (что позволяло верующему становиться избранным или христианином). Несомненно это говорит о существовании формы религиозной организации, уподобленной Церкви. Это именно тот тип организации, на который претендовали вышеописанные диссиденты, аргументируя Новым Заветом свои заявления о том, что они представляют собой истинную христианскую Церковь. Катарские Ритуалы и собрания позднейших документов изобилуют еще большими подробностями в этом смысле.

Во время впечатляющего катарского возрождения, которое имело место в первом десятилетии XIV века между Пиренеями и Гасконью, добрый человек Пейре Отье, встал во главе дюжины товарищей, чтобы восстановить структуры своей подпольной Церкви, пошатнувшиеся в связи со столетием преследований.